

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Антипов

ГЛАВА 1

г. Псков, послевоенные годы...

Стрёлки доползли до двенадцати, и часы ударили гулким протяжным боем. Корнев откинулся в кресле, съелся и, отодвинув лежавшие перед ним папки со сводками, медленно встал. Приступ начался примерно в половине одиннадцатого, и Степан Ефимович до сих пор чувствовал ноющую резь в боку.

«Проклятая язва — будь она неладна, нужно обязательно выпить чаю, а еще лучше что-нибудь съесть!»

До обеда оставался еще целый час, а бутерброды, которые Степан Ефимович утром принес из дома, — Корнев жил один, поэтому завтраки готовил себе сам, — были давно съедены. Заводская столовая, находившаяся неподалеку, в которой постоянно обедал он сам и большая часть его сотрудников, откроется только в час. Прижав руки к животу, Корнев поморщился, потом поднялся, подошел к сейфу и, открыв его, посмотрел на стоявшую за папками бутылку армянского коньяка и лежащую рядом с ней плитку немецкого шоколада марки «Halleoren». Не бог весь что, но все же!..

Несмотря на сильную боль, прикоснуться к припрятанным в сейфе припасам Степан Ефимович пока что не решался. Этот коньяк и этот шоколад принес Корневу

один его старый знакомый — полковник Сухов, который недавно вернулся из Германии.

Первая гвардейская краснознаменная танковая армия, в которой служил Сухов, после войны была расквартирована в Дрездене и до настоящего времени дислоцировалась в Германии. Однако спустя три года часть подразделений была отозвана в Союз, и Сухова перевели в Псков.

По возвращении на родину Сухов получил новое жилье и на следующий же день после заселения организовал в своей новой квартире веселую пирушку. Сначала гуляли лишь несколько приятелей полковника из числа его сослуживцев, но к вечеру к ним присоединились едва ли не все соседи, живущие в подъезде. Утром, проснувшись с жуткой головной болью, полковник не обнаружил в квартире служебного удостоверения и, что самое страшное, пропал его лежавший в шкафу табельный револьвер. Сухов, перепуганный до смерти, тут же отправился в Управление милиции и, узнав, кто им руководит, потребовал встречи с начальником псковской милиции, представившись его старым другом.

Корнев не сразу узнал полковника-танкиста, с которым ему доводилось встречаться. Это было в годы войны, и их знакомство было весьма шапочным — они лишь пару раз пересекались на оперативных совещаниях в сорок четвертом, когда Корнев воевал на Северо-Западном фронте и командовал батальоном. Сухов не особо жаловал Корнева и смотрел на него свысока; им довелось обменяться лишь несколькими фразами, на этом их знакомство и закончилось. Теперь же дружелюбия у Сухова значительно прибавилось.

Услыхав о случившемся с Суховым, начальник псковской милиции не смог отказать «старому другу». Он вник

в ситуацию и согласился помочь, обещая не придавать делу лишней огласки.

Вора задержали уже на следующий день. Похитителем оказался новый сосед Сухова, мелкий жулик, которого пригласили на новоселье. Сосед, воспользовавшись вакханалией, которую устроили Сухов и его товарищи на новоселье, тут же сориентировался на месте и, заглянув в тумбочку, прихватил лежавшие там документы и револьвер, после чего спокойно скрылся и припрятал украденное в надежде продать потом на барахолке.

Когда милиционеры отыскивали обнаглевшего вору, Сухов долго жал Корневу руку, а на следующий день явился к нему снова, слегка навеселе, и торжественно вручил «старому приятелю» дорогой коньяк и шоколад. Корнев долго отказывался, но полковник так наседал, что Степан Ефимович уступил и взял предложенные бесшабашным гостем подарки.

Корнев не одобрял подобных подношений, поэтому до сей поры так и не притронулся ни к коньяку, ни к шоколаду — все это так и пылилось у него в сейфе уже не меньше недели. Однако сегодня Степан Ефимович решил-таки отступить от своих принципов. Пить алкоголь, да еще посреди рабочего дня, в одиночку, Корнев, разумеется, не собирался, а вот шоколад...

Так как унять внезапно возникшую резь в желудке было просто необходимо, он взял шоколадную плитку, покрутил ее в руке и подошел к окну.

Под окнами росли кусты сирени, возле стоящей у беседки серой легковушки на лавочке сидел его личный водитель Володя Горячев и, нацепив на нос огромные очки, не спеша листал прошлогодний журнал «Огонек». Корнев уже совсем было собирался распе-

чатать плитку, но вдруг застыл, дернулся и прильнул к окну.

Из-за кустов на большой скорости выскочил напороженный до блеска «сто первый» «ЗИС» и резко затормозил у крыльца. Молодой водитель в синем кителе со старшинскими погонами выскочил из машины и бросился было открывать дверь. Но не успел: пассажир уже вышел сам и, едва не сбив с ног своего шофера, поспешно направился к парадному входу. У Корнева перекосялся рот, холодная капля пробежала между лопатками. Он аккуратно положил шоколад на подоконник и замер в полнейшем ступоре; про резь в животе он и думать забыл.

В себя подполковника привела громкая трель телефонного звонка. Корнев шагнул к столу, схватил трубку и рявкнул что было сил:

— Слушаю!

В трубке послышался перепуганный голос оперативного дежурного:

— Антипов! Сам! Промчался мимо меня сразу наверх! И ведь никто ж не предупредил. Что мне делать-то, товарищ подполковник?

Ничего не ответив, Корнев в отчаянии бросил трубку. Он запустил руку в свою густую шевелюру, закинул волосы назад и бросился к сейфу, на котором лежала его фуражка. На ходу подполковник застегнул верхнюю пуговицу, схватил фуражку, но, зацепившись за стол коленом, выронил ее из рук. Злосчастный головной убор покатился, словно горящее колесо на Ивана Купалу, и остановился у самого порога. Корнев бросился к двери, нагнулся и потянулся было к фуражке, но тут же отскочил, потому что дверь в этот момент распахнулась. На пороге стоял сам начальник Главного управления МВД об-

ласти Антипов. Позабыв про фуражку, Корнев вытянулся и зычно прокричал:

— Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант!

— И тебе не хворать, — буркнул Антипов.

Он подобрал подкатившийся ему под ноги головной убор, прошел в кабинет и, бросив фуражку на стол, уселся не в кресло, как это обычно бывало, а на диванчик у стены. Сердце Корнева бешено трепыхалось. Он все еще тянулся в струнку и нервно покусывал губы.

В Управлении городской милиции Антипова за глаза дразнили «солдафоном», боялись как огня, но по сравнению с начальником Главка его считали просто «дúшкой». В отличие от Корнева генерал Антипов не воевал. Перед самой оккупацией города он был эвакуирован в Саратов, где продолжил борьбу с преступными элементами и пособниками врага. Тогда еще он занимал должность заместителя начальника Управления по оперативной работе, но вернувшись в родной город Псков в сорок шестом, занял самый высокий пост в системе МВД области. Несмотря на то что Антипову не пришлось поднимать в бой батальоны, этот генерал мало чем отличался от боевых командиров Красной армии, а своей жесткостью и требовательностью превосходил многих из них. За глаза его называли Грозным, сравнивая со всем известным Иоанном из династии Рюриковичей. Антипов одним росчерком пера мог снять с должности или уволить любого начальника, а мог и повесить какого-нибудь лейтенанта-выпускника и поставить сразу на майорскую должность.

Однако сегодня с Антиповым явно творилось что-то странное. Корнев заметил это, лишь только немного успокоился и пришел в себя. Про свою язву он и думать забыл.

— Ефимыч, у тебя выпить есть? — прохрипел Антипов, расстегивая верхнюю пуговицу кителя. Услышав столь неожиданную просьбу, Корнев сухо уточнил:

— Что, простите?

— Что, что! Выпить, говорю, есть? — Антипов достал из кармана портсигар, закурил сигарету, выпустил густую струю серого дыма и огляделся. Увидев удивленный взгляд Корнева, поморщился и нервно продолжил: — Да помню я, что ты не куришь! Если нет пепельницы, дай, что ли, какой-нибудь стакан, чтобы я тебе ковер не испачкал!

— Стакан? Зачем же стакан, есть у меня пепельница!

Корнев открыл ящик стола, достал припрятанную там хрустальную пепельницу, поставил ее на тумбочку возле генерала, потом быстрым шагом дошагал до сейфа. Армянский коньяк, подарок Сухова, он поставил на ту же тумбочку, мысленно похвалив себя за то, что так и не притронулся к шоколадке. Положив ее к коньяку, принес один из двух стоявший на подносе стаканов.

— Пепельницу нашел — молодец! А стаканов неси парочку, — выдохнув, процедил Антипов, наполнив посуду до краев. — Да-да! Не куришь — не кури, а выпить со мной ты сегодня просто обязан. Уж не обижай начальника

Генерал залпом выпил свой коньяк, даже не посмотрев на плитку шоколада, которую Корнев уже успел разломить на кусочки. Подполковник закашлялся, у него вдруг запершило в горле, словно это не Антипов, а он, Корнев, выпил целый гра́ник янтарного напитка.

— Сегодня какой-то праздник? — поинтересовался подполковник, идя за вторым стаканом.

Антипов лишь хмыкнул:

— Может, праздник, а может, и нет! — Он снова наполнил стакан, но уже на треть и снова опрокинул его одним махом. Корнев плеснул коньяку себе, выдохнул и медленно выпил. Горло обдало живительным жаром, резь в животе на время исчезла.

Антипов одобрительно кивнул и вылил в свой стакан все, что осталось в бутылке. Корнев, совсем уже успокоившись, искоса поглядывал на своего непосредственного начальника.

Антипов и впрямь не походил сам на себя. В эту минуту этот всегда верный своему делу блюститель правопорядка и ревностный слуга закона, сухой как мумия фараона и чем-то похожий на хищную птицу генерал выглядел подавленным и даже слегка испуганным. Обычно плотно сжатые губы его сегодня были слегка приоткрыты; ввалившиеся яблоки глаз, доселе сурово выглядывающие из-под выгнутых дугами бровей и режущие, точно скальпель хирурга, сегодня казались потухшими и совершенно пустыми. Весь облик Антипова словно кричал о том, что он чудовищно устал.

— Ну что, удивлен, что я к тебе вот так, без предварительного звонка? — слегка захмелевший генерал погрозил Корневу пальцем. — Да ты садись, садись, Ефимович! В ногах правды нет.

Корнев аккуратно присел, но не в свое кресло, а на один из стоявших вдоль стола стульев. Генерал выдавил хитрую улыбку и снова погрозил Корневу пальцем. Подполковник мучился догадками: что же случилось?

Антипов, словно угадав его мысли, перешел к сути:

— Ты вчерашние сводки читал?

— Так точно, товарищ генерал!

— Значит, про нападение на военный продсклад знаешь?

— А как же? — оживился Корнев. — Знаю, товарищ генерал.

— Что думаешь по этому поводу?

Корнев мысленно похвалил себя за то, что с утра ознакомился с оперативной обстановкой в городе и внимательно изучил новые сводки. Он встал и четко, по-военному, доложил:

— В ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое мая несколькими неизвестными, предположительно тремя, произведено нападение на продовольственный склад войсковой части 3473. Злоумышленники проникли на территорию части через лаз в заборе и, оглушив часового, взломали замок складского помещения. Однако, судя по всему, между нападавшими произошла ссора, в результате чего случилась банальная поножовщина, двое из нападавших были убиты. Третий, совершив убийство своих поделщиков, скорее всего испугался и скрылся, ничего не прихватив со склада. В настоящее время личности убитых бандитов устанавливаются, ведется проверка.

Антипов фыркнул и схватил уже опустевшую бутылку из-под коньяка:

— Да сядь ты... чудака человек! О черт! А что, больше нет?

— Чего нет?

— Выпить, говорю, больше нет?

Корнев почувствовал, что краснеет, и виновато пожал плечами. Полчаса назад он отпустил свою секретаршу Леночку, так как у ее дочери поднялась температура. У Леночки в шкафу могли быть припрятаны на такие случаи и кофе, и коньячок, но запасного ключа от шкафа

у Корнева не было. Степан Ефимович потянулся к телефону и собирался было озадачить кого-нибудь из дежурной части, но потом вспомнил о прохлаждавшемся под окнами Володе Горячеве. Он уже подался было к окну, но Антипов его опередил. Генерал открыл фрамугу и громко крикнул своему водителю:

— Саня! А ну сгоняй!

Послышался звук заведенного мотора. Антипов вернулся на свое место и закурил очередную сигарету. Сделав пару затяжек, он продолжил:

— Значит, сводку ты прочел! Это хорошо, только ты сам-то себя слышишь? Слышишь, что ты мне тут говоришь?

— Не понял вас, товарищ генерал, — снова зашептался Корнев.

— Что «не понял»? Вон оно как у тебя все: «предположительно», «судя по всему», «скорее всего»... Не работаете ни черта! — начальник Главка хлопнул по тумбочке кулаком так, что едва не опрокинул стоявшие на ней стаканы. — Вот точно так же мне и этот мямлил...

— Извините, товарищ генерал, — Корнев снова напрягся. — Вы сейчас про кого?

— Да про следакá этого, Богданова! Видишь тут какое дело. Ну, ты сам посуди: массовый голод послевоенных лет, в ряде районов все еще недоедают, катастрофическая нехватка продовольствия, а тут не просто бандитский налет на какую-нибудь продовольственную базу, а проникновение в воинскую часть! Это же ЧП районного масштаба! Часовому голову проломили плюс ко всему два трупа! Прокуратура, будь она неладна, тут же подключилась, возбудила уголовные дела и взяла все под свой контроль, как будто мы без них не справимся. Прислали теперь этого следователя...

— Так это он мямлил?

— Он! А кто же еще? А он мальчишка совсем. Хорошо хоть прокурорские разрешили по старинке подключить-ся нашим. — Антипов снова сник, схватился за пустую бутылку и выругался. — Ладно. Хватит вокруг да около! Просьба у меня к тебе, Ефимыч! Личная просьба!

Корнев снова вскочил и отчеканил:

— Что нужно сделать, товарищ генерал?

— Сейчас я для тебя Петр Дмитриевич, — поправил Антипов, — да расслабься ты, не вставай.

— Все понял! Слушаю вас, Петр Дмитриевич!

Корнев сел. Генерал нагнулся вперед и вдруг как-то весь сжался, точно еж:

— Есть у меня личный интерес в этом деле. Вот оно как. Дело это ко мне на стол попало, изучил, посмотрел я и не поверил своим глазам. Один из убитых, про которых ты говорил, — это Васька! Васька Малашин! Я его по фотографии узнал. Поначалу сомневался, а потом даже сам в морг съездил, на труп посмотрел. Я как его мертвого увидел, все мои сомнения исчезли.

Генерал потер глаза, прокашлялся и тяжело вздохнул.

— Простите, а кто такой этот Васька? — уточнил Корнев.

— Васька Малашин? Да пацаненок один — сосед наш. Мы с его родителями до войны в одном дворе жили. Куда родители Васькины делись, я не знаю, но знаю, что с Егоркой моим они лучшие друзья были. Потом вместе в школу милиции пошли, потом в одном и том же рай-отделе служили и пропали в один и тот же день в сорок первом.

— Егор — это, если я вас правильно понял, ваш сын?

— Правильно ты понял!

В этот момент в кабинет вбежал водитель Антипова и выставил на стол две бутылки коньяка, положил лимон, пару яблок, кольцо «Краковской» колбасы. И исчез.

— Ну Санек... ну молодчина! — обрадовался Антипов и поманил Корнева: — А ну, налетай!

Только сейчас начальник милиции почувствовал новый приступ и вспомнил про свою злосчастную язву. А чего он и вправду теряется?

Степан Ефимович подошел к столу, порезал лимон и колбасу, махнул полстакана принесенного генеральским водителем коньяка. Лимон он предусмотрительно отодвинул в сторону и набросился на «Краковскую».

Еда, точно бальзам, обогрела его ноющее нутро. Корнев почувствовал, как боль в животе постепенно утихает. От удовольствия он даже закрыл глаза.

— Ну вот, совсем другое дело, Ефимыч! — усмехнулся Антипов. — Так что? Возьмешься мне помочь?

— Как я должен вам помочь? Если я правильно понял, ваш сын пропал в сорок первом при исполнении...

— Они с Васькой Малашиным отправились на выезд, и оба пропали! А случилось это в июле сорок первого, в тот самый день, когда город был занят немцами. Тогда всю эвакуация шла, сам помнишь, что творилось.

— Ваш Егор и этот Малашин выехали на место происшествия и не вернулись. А что тогда стряслось? С какой целью они выехали?

— Да не знаю я! В том-то все и дело. Нас еще за день до этого спешно эвакуировали. Егоркин райотдел должен был на следующий день убыть, но не успел. Мы ведь с сыном даже попрощаться не успели.

— Если в такой суматохе на место выехал наряд, получается, что там что-то серьезное случилось, — Корнев